

*Сорочье
царство*

*Наталья
Плотникова*

12+

Наталья Вадимовна Плотникова

Сорочье царство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42622606

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09794-0

Аннотация

Раньше жизнь в Сорочьем Царстве была безмятежной: зима-тёплой, лето-солнечным, осень-золотой, а Стрёкоты не похищали человеческих детей. Но теперь настали иные времена, ибо Стражники грозят Царству наказанием. Чтобы спасти Царство, ребёнка необходимо срочно отыскать! Но странный ребёнок не слишком хочет быть найденным. Через тернии к звёздам может быть и не добраться, но через Живой лес-к земле Обособленных точно можно, чтобы понять: иногда дорога и есть цель, а любящие друг друга всегда встречаются в конце пути. В оформлении обложки использована фотография с сайта Pixabay по лицензии ССО.

Плотникова Наталья Вадимовна

Сорочье царство

Роман

Фэнтези

89505483812

ksantippa80@mail.ru

Пролог

В ноябре в столицу в полном соответствии с прогнозами метеослужб заглянула зима. Мы с Борисом идём по аллее небольшого парка, белый тёплый снег падает пушистыми хлопьями на землю, на деревья, окончательно лишившиеся своей листвы, на меня и моего нервного спутника.

– Не нервничай. Так ты быстрее привлечёшь к нам внимание, – стараюсь я успокоить врача. "Белый пушистый снег!" О чём я, вообще, думаю, когда такое дело предстоит!

– Я переведу ребёнка на первый этаж. Единственная палата, на окне которой нет решётки, так что ты её сразу узнаешь. Медсестру я отправлю под каким-нибудь предлогом в другое крыло. Не знаю, кто из Стражников останется охранять нас ночью, но ... я же врач, в лекарствах кое-что понимаю, – усмехается он неожиданно, – сумею, надеюсь, подсыпать ему снотворного, от которого, он мирно заснёт, они мне пока ещё доверяют. Пока ещё, – повторяет он. – После того, как я подам тебе сигнал: посвечу фонариком из этого са-

мого окна, ты даёшь мне уйти – минут пять. Позже я сочиню какую-нибудь историю для Стражников о том, что кто-то из детей наверху закричал, поэтому я и оставил их подопечного, – на лбу Бориса выступают капельки нервного пота. – Значит, после того, как я уйду наверх, разбиваешь окно и вытаскиваешь малыша. Он знает тебя и не раскритичится, к тому же я его постараюсь предупредить о твоём появлении.

– А тебе не попадёт от Стражников? – беспокоюсь я.

– Ага, скажи ещё в угол поставят, – вдруг хихикает Борис. – Они привезли ко мне ребёнка с приступом эпилепсии, с поддельными документами, в которых сказано, что его отец... Александр, хотя я точно знаю, что нет у него никаких детей. Единственное, что я сумел добиться от мальчика: он назвал мне своё имя. Больше он мне слова не сказал, молчит всё время.

– Но это он? Точно он? – кажется, в сотый раз спрашиваю я, хотя уже не сомневаюсь, просто снова хочу услышать подтверждение.

– У него не самое распространённое имя, да и описание совпадает с твоим, – отвечает привычно Борис. – Конечно, жалко, что у тебя нет его фотографии. Стражник неотлучно находится при нём, только в туалет выходит, да и то с неохотой. Для всех остальных в больнице – Стражники являются родственниками малыша, поэтому я и разрешаю им находиться там постоянно. Стражники и так подбили меня на преступление. Одно дело – помогать им в их деле охраны

людского мира от Сорок, которые несут угрозу, другое дело, когда тебя заставляют прятать в твоей больнице нездорового ребёнка, лечить его и при этом выдумывать всякие истории для своих коллег. Больше у малыша приступов не было, наверное, тот единственный был вызван испугом. Странно, но его болезнь... стала его спасением. Если бы не этот приступ, Стражники не отправили бы его ко мне, я не стал бы шарить по кустам, следить за ними, чтобы хоть что-то выяснить о ребёнке и не встретил бы тебя.

– В свою очередь тоже шарящего по этим же самым кустам с той же целью, – хмыкаю я.

– Это наш единственный шанс, Сава! Скоро они заберут малыша от меня.

– Какой предлог ты выдумаешь, чтобы перевести ребёнка в нужную нам палату?

– Наверное, в его палате прорвёт трубу. В нашей больнице такое порой случается, она давно нуждается в ремонте, так что подозрений это не вызовет.

– Надеюсь, что всё получится, – шепчу я, невольно подражая Борису.

– Должно получится. Другого шанса, повторяю, не будет.

– Но тебя точно не вычислят?

– Каким образом? Никто не знает, что мы с тобой знакомы. Я ворвусь с криками, растолкаю спящего Стражника, мне поверят.

– Спасибо, друг.

– Пока не за что. Потом поблагодаришь, – отмахивается он.

И всё получилось.

Глава первая

Марина

– Они не сделают этого... – сомнение в моём голосе всё-таки прозвучало.

Отец поднял на меня глаза. Члены нашей семьи отлично могли скрывать свои чувства, если хотели. Ничего, кроме усталости, я в них не прочитала не сумела.

– Стражники последние несколько лет искали способ избавиться от Сорочьего Царства. Мы попали в силки. Если мы не выполним их условий, Виктория умрёт, как и все юные Пикалы, в день своего пятинадцатилетия. Сорочий век короток, увы. Народ перестанет заводить детей из-за боязни их потерять, или Сороки сами отрекутся от своего дара, и наше Царство исчезнет естественным путём.

Мой отец. Ему всего пятьдесят лет, а выглядит он гораздо старше. После ухода мамы он полностью поседел. Даже по утрам, выспавшийся, он выглядит усталым, как будто трудился весь день.

– Это невозможно. Обыкновенная попытка запугать, – мой голос приобрёл привычный спокойный тон. – Что им даст исчезновение нашего царства? Можно подумать ЭТИМ Стражникам есть дело до остальных людей... – слово этим я выделила интонационно. – Прежние Стражники играли на

нашей стороне, даже прощали Сорокам некоторые ...шалости... Хотя и безопасность людей они... — я искала подходящие слова — блюли достаточно сурово. По крайней мере, такая версия событий дошла до нас из прошлого. А этим... что, вообще, им нужно?

— Если бы я знал, дочка, — печально вздохнул отец. — Они прикрываются заботой о людском мире, чтобы уничтожить Сорочье Царство. Но кем тогда станут они? Простыми обывателями. Их сила во власти над нами. Нет нас, не за кем надзирать. Я не понимаю их мотивов.

— Когда будут объявлены условия? — поинтересовалась я, с удивлением заметив, что мои руки непроизвольно всё это время теребили края рубашки.

— Завтра во время Большого Совета.

— А... Игорь? — мне неприятно произносить это имя, но... Игоря из жизни Сорочьего Царства просто так не выкинешь. А хотелось бы. Хотелось бы?..

— Игорь? — переспросил отец. — Игоря, вероятно, арестуют прямо во время Совета.

— Арестуют? — меня называют «железной принцессой» и, надо сказать, что я гордо несу это звание, стараясь не выказывать своих чувств при посторонних людях, впрочем, как и при близких. Но тут моё удивление позволило себе наглость выскочить впереди меня.

— Стрекотам долгое время многое сходило с рук. Но похищение дитя человеческого... — отец развёл руки в сторо-

ны, дабы показать, что это событие не поддаётся описанию, впрочем, как и логике.

– Я не стану защищать этого полоумного Савелия, но на бессмысленные поступки не способен даже он. Не сошёл же он с ума окончательно. Должен же быть во всём этом хоть какой – то смысл... – перебила я отца.

– Вот его и должен обнародовать Игорь перед Стражниками, – отец сделал движение рукой, желая показать, что разговор окончен. Он вышел из моей комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На следующий день во время Большого Совета у отца случился инсульт. В Сорочьем Царстве наступил первый день зимы.

Глава вторая

Марина

Я сижу и смотрю в узкое окно. Теперь темнеет рано, но зимний сад, окружающий замок, ярко освещён. Так хотел отец. Он любит по ночам сидеть у окна и смотреть на улицу. Не раз я заставляла его за этим занятием в большом зале. О чём он думал в эти минуты? Какие мысли занимали его седую умную голову?

Да, мы живём в замке. Это самое грандиозное здание во всём Сорочьем Царстве. Наш замок является, не побоюсь этих высокопарных слов, шедевром архитектуры, он не уступает по красоте и величию дворцам людского мира. Но, конечно, он не может с ними соперничать, потому что жите-

лям мира людей никогда не удастся на него взглянуть, чтобы сравнить.

Замок не принадлежит нашей семье, он принадлежит главе Сорочьего Царства. А мой отец – Виталий Карлович – является его главой уже двадцать лет. До него эту должность занимал мой дед, ещё раньше – прадед. Так что замком наша семья пользуется уже длительное время. Несмотря на то, что мы называемся Царством, царя у нас нет. Звание главы не передаётся по наследству просто так, его нужно заслужить. Только сами жители Царства могут выбрать того, кто станет их главой. Но на данном жизненном этапе этот титул и это бремя приходится нести мне, пока мой отец находится в больнице, так решили Советники отца.

Сколько уже я так сижу? Не знаю. Вот бы просидеть так всю оставшуюся жизнь не думая, не рассуждая, не вспоминая. А лучше уснуть и проспать некоторое количество десятилетий, а, проснувшись, обнаружить, что нынешнее поколение Стражников мирно отправилось к праотцам. А мой отец, напротив, здоров, бодр и счастлив. Счастлив, потому что в Сорочьем Царстве господствует эпоха всеобщего благоденствия. А это означает, что и само Царство ещё существует.

Меня зовут Марина. Как Марину Мнишек. Помните её? Вы верите в то, что, спасая свою жизнь, «обернулась Маринка сорокой и улетела»? Так вот, ответственно могу вам заявить: ничего подобного не было. Не могла Мнишек обер-

нуться сорокой, потому что не нашего она рода.

А вот я могу. И мой отец может. И этот полоумный Савелий. И ...Игорь. И любой житель Сорочьего Царства может обернуться сорокой и улететь. Потому что мы – нелюди. Точнее, не совсем люди. История нашего Царства насчитывает сотни лет и берёт своё начало в эпоху царствования самого Ивана Грозного. (Может, поэтому и мы называем себя Царством.) Известно, что наши предки пытались спасти от казни ведьму, самую что ни на есть настоящую. Пытались спасти, но не спасли, попытка спасения с треском провалилась. Её, бедную, так и сожгли живьём на костре. А заодно и незадачливых спасателей, тех, кого удалось поймать. Вышеуказанная ведьма была обвинена в том, что похитила дитя человеческое прямо из утробы матери. И ещё... она могла оборачиваться сорокой. Собственно, именно это и помогло ей совершить сие злодеяние.

Мать казнённой ведьмы – за ней закрепилось имя Старая Сорока – передала спасшимся жителям деревни, пытавшимся помочь её дочери-ведьме, необыкновенный дар: они могли в минуты опасности превращаться в сорок. Но жители деревни оказались то ли умнее, то ли хитрее, то ли Сорока их знает, что. Они настолько развили свои способности, что превращаться в сорок могли не только от страха, но и в любой другой момент, когда захотят, по собственной воле и своему желанию. И Старая Сорока... ужаснулась. Ну, может, и не ужаснулась, а слегка испугалась. Ей ли не знать, ка-

кую власть дают такие способности. Но отнять замечательный дар у людей она не пожелала, потому что подарки не отбирают.

Озадачилась Старая Сорока: как же ей сделать так, чтобы наделённые чудесным даром сумели сохранить равновесие в мире людском? И придумала. Назначила она Стражников из мира людей, численностью двенадцать человек. Почему именно двенадцать? Если вам когда-нибудь доведётся встретить Старую Сороку, спросите её об этом сами. А также спросите, что она пообещала этим Стражником за их добросовестные труды. Потому что капризная дама История Сорочьего Царства об этом таинственно умалчивает. Не говорили об этом и Стражники. Ни Стражники прошлого, ни нынешние.

Эти двенадцать человек и должны были сделать всё, чтобы удержать мир людей и Сорок в равновесии. В течение нескольких месяцев Стражники и Старая Сорока заседали, совещались, спорили. Они составляли правила и законы, по которым Сорочье Царство и живёт по настоящий день. Да, Сорочье Царство было создано волей одного человека, как мир людей был создан волей единого Бога. Имя создательницы – Старая Сорока. Но она не была Богом, поэтому однажды в нашем Царстве всё должно было пойти не так...

И согласно закону Мерфи, так оно и произошло.

Игорь

Сорочье Царство существует в мире людей. Внутри мира людей. До него не нужно лететь, ехать, бежать, идти, его не нужно даже искать. Сотни людей проходят по узким или широким улицам, собирают грибы в знакомом лесу, плавают по предсказуемой речке и не догадываются, что стоит им только произнести определённый набор звуков (который сами жители Сорочьего Царства называют «Заветные слова»), как привычный им мир потеряет свои очертания, ибо они погрузятся в мир Сорочьего Царства. Правда ненадолго.

Вход в Сорочье Царство беспрепятственно открыт только для его коренных жителей. Ни один человек, не наделённый даром превращения, не сможет долго пробыть по собственной воле в нашем Царстве. Природа Царства просто-напросто отторгнет его, вернув туда, откуда он прибыл. Отторгнет прежде, чем он сумеет понять, где он находится. Даже у всемогущих Стражников лимит пребывания в Сорочьем Царстве ограничен семью днями. Хотя выражение «у каждого правила есть исключение» уже набило мне оскомину. А вам?

Марина

– Заждалась? – Игорь входит в мою девичью комнату, не постучавшись (Надо не забыть поругать нашу помощницу по хозяйству Катю за то, что она вот так запросто впускает Игоря в замок, подозреваю, что девушка в этого Стрёкота безнадёжно влюблена) Просто распахивает дверь и заходит. Он всегда был уверенным в себе, с самого детства, тогда я ещё могла произносить его имя без неприязни, как будто весь

мир, включая человеческий – его собственный дом. Но я не вздрагиваю и не возмущаюсь. «Глупо ждать проявления простых человеческих чувств от «железной принцессы» – думаю я, но вслух произношу совсем другое:

– Глупо ждать от Стрёкота, а тем более от того, чей брат похитил ребёнка человеческого, соблюдения элементарных правил приличия. Почему тебя не арестовали Стражники?

Игорь высокий, крепкий, кареглазый. Кажется, в детстве, я была влюблена в него. Как давно это было, как будто не в этой жизни. А, может, и действительно не в этой?

Густые чёрные брови Игоря стремительно взлетают вверх. Я догадываюсь, какими словами он предпочёл бы мне ответить. Да и мне самой легче и проще было бы услышать от него именно такие слова. Но он справляется со своими эмоциями и говорит то, что положено говорить тем людям, чей отец лежит в палате интенсивной терапии центральной больницы Сорочьего Царства:

– Я надеюсь, что твой отец поправится...

Наверное, Игорь говорит искренне, но мне всё равно. Уж его чувств я точно щадить не намерена:

– Я не привыкла размазывать сопли по крыльям. Мы должны решать проблемы, которые возникли по вине твоего брата, – мне хочется побольнее ударить его словами. Не только сейчас, всегда. При любой нашей встрече. Стрёкоты, как же они все мне ненавистны!

– Я предполагаю, где может скрываться Сава, – спокойно,

размеренным тоном сообщает мне Игорь, как будто говорит о том, где можно купить подходящий костюм для прогулок верхом.

«Ему наплевать на судьбу Сорочьего Царства, поэтому он так и спокоен.»

– Да неужели? Стражники весь людской мир с ног на голову перевернули и...

– Его нет в мире людей. Он здесь.

– Здесь, – я кручу головой в разные стороны, как будто высматриваю Савелия. – К твоему сведению они его и здесь искали, но безрезультатно. Откуда ты знаешь, что он в Сорочьем Царстве?

– Сорока на хвосте принесла, – усмехается Игорь.

– Сорока на хвосте, значит... – я делаю паузу, прежде чем бросить свои обвинения в лицо этому наглому Стрёкоту. – Это по вашей вине мой отец находится в больнице, и неизвестно выживет ли он! Не говоря уже о том, что Стражники угрожают будущему Сорочьего Царства. А ты позволяешь себе...

– Мы постараемся найти Саву в положенный срок. Так что будем надеяться, что Сорочьему Царству не грозит гибель, – прерывает мой словесно-обвинительный поток Игорь.

– «Будем надеяться?» Ты называешь себя главой Стрёкотов! Вожаку не пристало выражаться такими фразами. Вожак должен знать точно, а не «надеяться» на милости судьбы. Я уже умалчиваю о том, что вожак никогда не допустит,

чтобы его народ попал в такую ситуацию. Ты даже не глава своей семьи, твой брат...

– Сава идёт к Обособленным, таково моё мнение, и я сказал об этом Стражникам, поэтому меня и не арестовали. Хотя ты, по всей видимости, желала бы обратного, – Игорь выжидающе смотрит на меня.

Интересно, а какого именно ответа он от меня ждёт? «Да, я хотела, чтобы тебя арестовали Стражники?». Такого вслух не говорят, поэтому я предпочитаю благоразумно промолчать. Что он там сказал про Обособленных?

– И я не называл себя главой Стрёкотов, – продолжает Игорь. – Мы никогда не хотели делить Сорочье Царство на... подгруппы.

– Теперь ты обвинишь нас в междоусобице? Не для того ли, чтобы отвести вину от своей... подгруппы, ты так, кажется, сказал?

– Я никого ни в чём не виню, но с тех пор, как Сорочкам вновь после долгого перерыва было позволено навещать людской мир, именно вы придумали разделение...

– А Стрёкоты, получается, с белыми крыльями? – кажется, я злюсь.

– Ты злишься? – вскидывает бровь Игорь. – Ничто человеческое тебе не чуждо, железная принцесса?

– Ошибаешься, драгоценный, – я даже позволяю себе усмехнуться. – Я не злюсь. Я посмотрела на ситуацию твоим нелепым зрением. Зрением Стрёкота, – добавляю я. А в

это время в моей голове вертится только одна фраза «Сава идёт к Обособленным». Какого шэква... Быть этого не может. Живой лес не пропустит Сороку без Стражника.

– Мы сейчас будем выяснять на чьей стороне правда? Или всё же составим план действий? – спокойно, будто даже лениво, спрашивает меня Игорь.

Я не устаиваю его ответом. План действий? Найти его брата и отдать его на растерзание Стражникам. Пусть делают с ним, что хотят, лишь бы Царство моё не трогали.

Не дождавшись от меня ответных слов, Игорь продолжает:

– Я хочу заключить мир. Или мы договариваемся, и я иду искать Саву или ссоримся дальше и попутно ждём, когда Стражники применят наказание. Твоей сестре скоро пятнадцать. А нам случайно повезло, что мы уже миновали этот критический возраст.

– Не смей упоминать мою сестру! И не смей упоминать Пикал! Вам, Стрёкотам, всегда было наплевать на нас. А отец только и искал вам оправдания перед лицом Стражников. Вы виноваты во всём. Из-за вас он лежит в больнице в таком состоянии. Вы практически уничтожили Сорочье Царство своим непомерным любопытством. Если вам мало нашего Царства, убирались бы в людской мир. Так нет. Вам нужно всё. Это вас надо наказывать. Вы должны исчезнуть с лица Земли. Вы, а не Пикалы. Мы тут ни при чём.

– Марина, сейчас не время выяснять, кто и в чём вино-

ват, – Игорь вздыхает, неужели я сумела внушить ему чувство вины?..– Через несколько дней я собираюсь идти к пещере, через лес, искать своего брата. Со мной идёт Марк Степанов. Мы вернём Саву и выясним, где он спрятал ребёнка, и зачем он вообще его украл.

Никто из Сорочьего Царства не сможет пройти сквозь пещеру, если у него нет специального ключа, открывающего проход. С чего он взял, что его братец у Обособленных? Да что там пещера? Лес его не пропустит. Какая ерунда! И Стражники в это поверили?

– Почему ты решил, что твой брат идёт туда? Разве у него есть ключ? Он облапошил кого-то из Стражников? Или они проявили чудеса милосердия и отдали ему ключ добровольно? Я уж умалчиваю о том, ни одна Сорока не может гулять по лесу без сопровождения Стражника. Как, впрочем, никогда ни один Стражник не сможет пересечь лес без сопровождения Сороки. Это установлено издревле Старой Сорокой.

– Сава всегда был отчаянным. Его с детства манили истории о мире Обособленных. И однажды он смог пересечь лес и дойти до пещеры. Да ты знаешь эту историю, он рассказывал. Но ему тогда никто не поверил.

Действительно, где-то полгода назад брат Игоря ушёл в лес и пропал дней на десять. Естественно, без Стражников мы далеко в лес сунуться не могли. А рассказывать им о произошедшем не хотел Игорь. Когда Савелий вернулся он просто сказал, что прошёл тропой Обособленных до самой пе-

щеры. Но ему не поверили, естественно. Во-первых, у него с детства непомерно развитая фантазия. Во-вторых, вышеуказанный закон никто не отменял.

– Это просто рассказы твоего полубезумного брата. Он не особенный, ничем не выдающийся Стрёкот. Почему лес должен был позволить ему пройти?

– А почему бы и нет? У каждого правила... Может быть, он был вознаграждён за свою отчаянность? За то, что верил до конца и не прекращал попыток перейти лес? За то, что не хотел оставлять всё, как есть? За то, что он хотел дать Обособленным и второй шанс, а не смирился с настоящим положением дел, как все мы? – мне кажется, или я в самом деле слышу обвиняющие нотки в его голосе. Да как он смеет!

– Тогда почему бы ему просто не спрятаться в лесу, раз уж тот ему так благоволит? Зачем ему идти к Обособленным?

– Ну нельзя же вечно прятаться, – снисходительно отвечает Игорь. – Один в лесу. Всю жизнь? Нет. Я знаю своего брата. Он пошёл к людям, ему нужна помощь. И он надеется получить её у Обособленных, раз уж Сороки не помощники ему. Помимо основного входа в пещеру, ключи от которого хранятся у Стражников, существует и другой проход. Значит, это не миф...

– Другого прохода не существует. Это такой же бред...

– Как возможность превращения людьми в сорок, – заканчивает за меня Стрёкот.

– Твой брат – преступник. Он преступил самый главный

закон – похитил человеческого ребёнка. Так или иначе, ему грозит заключение, – эти слова я произношу со злорадством, признаю.

– Мы не знаем, что произошло там на самом деле. Для этого мы и пойдём искать Саву в мир Обособленных. Где же ещё ему искать убежища, как не у тех, о ком он так радел? – Игорь молчит некоторое время. А потом добавляет тихо-тихо, так что я еле слышу его вопрос:

– Ты ведь тоже задаёшься вопросом, как там они, Обособленные, живут за лесом, за горами?

– Как и другие жители Сорочьего Царства. Время от времени. – отвечаю я, надеясь, что голос мой не дрожит.

Да. Никто не мог пересечь лес без сопровождения Стражников. Стоит только зайти чуть глубже и кажется, что сами деревья противятся твоему проходу. Только тебе почудилось, что ты нашёл удобную тропинку, ты начинаешь идти по ней, а деревья уже цепляют тебя за лицо, царапают кожу, рвут одежду, и норовят ударить по глазам. Если ты пытаешься пройти в образе сороки, то за лапки тебя цепляют травы, и путают, путают, путают. Я никогда не могла зайти далеко вглубь леса. А вот Сава пересёк его. По его словам.

Любой житель Сорочьего Царства хоть раз в жизни задавался хотя бы мысленно вопросом, что там, по ту сторону леса и по ту сторону гор. Людской мир Стрёкоты пролетели вдоль и поперёк. К тому же, газеты, журналы, видео из мира людей было доступно и нам, Пикалам, жителям Сорочье-

го Царства, добровольно отказавшимся от посещений мира людей.

Таким образом, мы всё знали о человеческом мире, ставшим нам почти чуждым после длительного запрета Стражников на его посещение. Но мы ничего не знали о том, мире, отделённом от нас горами, упирающимися в само небо. То был мир Обособленных... И там уже четыре года живёт наша с Викторией мать...

– Ну, хорошо. Предположим, твоя версия верна и Сава, действительно, идёт к Обособленным. Он знает некий таинственный проход сквозь горы. Опять же, допустим. Хотя и маловероятно. Где в таком случае ребёнок? Дитя человеческое не может проникнуть в Сорочье Царство, – задаю я резонный вопрос.

– На этот вопрос у меня нет ответа. Скорее всего ребёнок спрятан где-то в мире людей. Перед тем, как отправится к Обособленным, Сава спрятал ребёнка. Но Саву в Сорочьем Царстве мне будет проще найти, чем человеческого ребёнка в людском мире. Тем более даже Стражникам не удалось его там отыскать.

– Тебе? Ты вместе со своим дружкой пойдёшь искать своего брата? И, нашедши его, если, конечно это вообще возможно, запросто отдашь его Стражникам для справедливого наказания? Да ты запрячешь его и плевать тебе на Сорочье Царство! Стрёкоты никогда не думают о последствиях своих поступков. И не потому, что вы отчаянные, какими себя са-

монадеянно считаете. Вы глупы. Просто глупы, – я стараюсь не отводить своего взгляда от Игоря, вкладывая в него всё свое презрение к Стрёкотам.

– Я хочу выяснить, что произошло в ту ночь в людском мире. Мне нужна правда. Надеюсь, как и тебе. Если ты будешь продолжать сыпать оскорблениями в сторону моих сородичей вряд ли мы чего-то добьёмся, – не опускает глаз Игорь.

– Мне нужен покой для моих сородичей. Я хочу сохранить жизнь наших детей. Я хочу, чтобы Сорочье Царство существовало.

– Я тоже этого хочу. Это и мой дом тоже. Я не желаю гибели наших друзей, поверь мне.

– Я не могу верить ни единому слову Стрёкота. Я...тоже пойду искать твоего брата, чтобы предать его суду Стражников и сохранить Сорочье Царство.

– Что? Ты пойдёшь? Это невозможно! – глаза Игоря округляются.

– Отчего же? Пока отец находится в больнице, я – глава Пикал. И это моё решение. Если ты добровольно не берёшь меня в этот... поход, я обращусь к Стражникам и тебя принудят взять меня с собой.

– Ты будешь жаловаться Стражникам на жителя своего же Царства? – спрашивает Стрёкот у меня удивлённым тоном. Хотя, чему тут удивляться? Да, буду.

– Я давно не считаю Стрёкотов жителями своего Царства.

Вы сами по себе, мы сами по себе. Только отвечать за ваши проступки мы почему-то должны вместе.

– Марина, послушай...

– Не хочу ничего слушать, – перебиваю я.

– Твой отец в больнице. Народ скоро начнётся волноваться. Слухи уже просачиваются... Ты должна остаться.

– Мне есть кого оставить с моим народом. Близкие Советники отца сумеют объяснить Пикалам ситуацию, чтобы не напугать их. Юрий Петрович гораздо лучше меня справится с этой задачей. Я иду спасать Сорочье Царство, а не на увеселительную прогулку. Папа бы меня поддержал.

Игорь молчит. Вероятно, обдумывает мои слова. Потом задаёт вопрос, на который я не могу дать ему ответа:

– Ты даже ни разу не навестила своего отца в больнице. Почему?

Я молчу. Не его это дело. Не его.

Итак, через два дня мы выступаем в поход. Через два дня начинается течь срок, отведённый Стражниками на поиски Савелия. Какие-то несчастные двадцать дней. Через двадцать дней возле входа в пещеру нас будет ждать Стражник в сопровождении одного из Советников моего отца. Самый главный из Стражников. Тот, которому Царство позволяет находиться на своей территории целых две недели. Мы должны выйти из пещеры под руку с Савелием, в противном случае Стражники применяют Наказание Вымиранием, право на использование которого им предоставлено Старой Сорокой:

каждый сорочий ребёнок будет умирать в день своего пятнадцатилетия. Я иду для того, чтобы найти этого безумца Саву и спасти своё Царство. Игорь идёт для того, чтобы спасти своего брата. Чтобы он ни говорил, я не верю ни единому его слову. С нами пойдёт один из Стражников, потому что без них нам лес не пересечь. Кого они пошлют? Кого мы найдём в нём, врага или помощника? Друзья... Остались ли такие среди Стражников?

Я не могу думать связно. Мысли наталкиваются одна на другую, разбиваются вдребезги и никак не хотят склеиваться обратно. Послезавтра мы отправляемся в поход. Я пройду тропой Обособленных, как и моя мать. Я пересеку лес и пещеру. И, наконец, выясню, что ждёт тех, кто отрёкся от Сорочьего Царства.

А сейчас... Я скидываю с себя одежду. Привычное голубое свечение охватывает тело. Кожа покрывается мурашками в предчувствии перерождения. Я сорока. Нет, не так. Я – Сорока. Перерождение привычное, лёгкое, безболезненное, приятное.

– Чьюк, чьюк, чьюк...

Ничто в мире не способно заменить для меня радость полёта. Я чувствую себя живой, настоящей, цельной. Я смотрю на Сорочье Царство сверху. Ходят люди, прыгают сороки. Маленькие аккуратные домики, припорошенные первым снегом. Идеальный мир, в котором всё идёт своим чередом, весна и лето наступают в положенные им сроки, осень

не дождливая и мрачная, а золотая и ярко-багряная, словно мечта поэта, а зима пушистая, белая и сказочная. Этот мир не должен исчезнуть, даже ценой моей жизни. Даже ценой жизни Игоря. Хотя его жизнью я пожертвовала бы гораздо охотнее, чем своей, да простит меня за откровенность Старая Сорока.

Игорь

– Вот ведь ворона пустоголовая! Куда собралась? – Марк кипятится. – И ты ей позволишь? Мы сидим на крыльце моего деревянного – сам строил вместе с отцом и горжусь этим – дома.

Марк – мой лучший друг. Мы были, по меткому людскому выражению, не разлей вода с пяти лет. Пока не появилась в моей жизни Марина Иванович. Мне было десять, а ей семь, когда мы познакомились. Она перетянула изрядную долю моего внимания на себя. Марк тогда очень обижался.

– Я не могу ей запретить, – развожу я руки в стороны.

– Никогда она мне не нравилась. «Железная принцесса». По-моему, бесчувственная просто. Жалеть я её не собираюсь. Даже отца в больнице не навестила, – бурчит приятель. Неужели опять в Марке проснулась детская ревность?

– Так или иначе тебе придётся терпеть её присутствие ближайшее время. Или Марина так сильно тебя раздражает, что ты решил остаться? – подначиваю я его.

– Ещё чего! Потерплю эту гордячку. Она идёт, чтобы уличить Савелия, Стражник пойдёт по той же причине. Тебе ну-

жен союзник. Хотя ...Может быть, нам повезёт и до начала нашего похода она переломает себе...

Марк замолкает, остановленный моим строгим взглядом. Задумывается с глубокомысленным видом, он это умеет. А потом спрашивает:

– А ты думаешь все эти Савины рассказы о лесе правда?

– Ему же никто никогда не верил, – пожимаю я плечами. – Он отчаянный фантазёр, с самого детства был таким. Я много раз бывал в этом лесу, конечно, не так часто, как мой брат, но далеко зайти не мог и поэтому ничего таинственного там не видел. Ну кроме того, что деревья и травы мне не давали прохода. Но так ведь такое со всеми бывало. Стражники, отводившие Обособленных за горы, никогда ни о каких странностях, не упоминали. В любом случае, нам предстоит пройти через лес.

И мы пошли.

Глава третья

Игорь

Начало нашего похода ознаменовалось двумя событиями. Первое, сопровождаем из числа Стражников оказался Сергей. Невысокий, нескладный подросток, худой, будто недокормленный. Ему всего девятнадцать лет. Стражником он стал совсем недавно, после гибели своего отца в автомобильной катастрофе. Это вызывает удивление не только с нашей стороны, под нами я имею ввиду себя и Марка, но и со сто-

роны Марины. Хотя она, по своей сложившейся привычке, старается не подавать вида. Но я, естественно, замечаю. И удивляюсь ещё больше.

Считается, что мы пошли на поиски государственного преступника, а с нами отправили почти пацанёнка, даже Марина на год старше его. В чём подвох, господа Стражники? – так и хочется спросить. Но, разумеется, спросить не у кого. Сам Сергей вряд ли знает ответ на этот вопрос. И, вообще, мне он кажется каким-то растерянным. Сознает ли он, куда идёт и зачем? Второе, Маринин отец пришёл в сознание. В больницу к нему она так и не пошла. Почему?

Марина

В присутствии Стражника любому жителю Сорочьего Царства запрещается оборачиваться сорокой, да он и не сможет, даже если захочет. Этот закон среди прочих установлен Старой Сорокой и первым поколением Стражников. Является непреложным. Таким образом, в нашем путешествии, пока Сергей находится рядом, мы только люди. И это плохо, по крайней мере для меня.

Игорь

Мы забираемся в новенькие крытые сани и двигаемся вперёд. В Сорочьем Царстве нет автомобилей и самолётов. А вот поезда есть, но ими редко, кто пользуется. В основном, жители предпочитают передвигаться естественным путём, то есть лететь, обернувшись сорокой. Или верхом на лошадях, или как мы не верхом, но на лошадях. В общем, эколо-

гическая обстановка в нашем Царстве весьма и весьма благоприятная: воздух чист, прозрачен и свеж, он наполняет наши сорочьи лёгкие живительным кислородом. Сороки в большинстве своём умирают от старости, а не от смертельных болезней, (хотя, конечно, ничто человеческое нам не чуждо, и мы порой болеем, как и люди) поэтому-то мы все так перепугались, когда у Виталия Карловича случился инсульт. Но отец Марины, хотя и является Пикалом, всё-таки иногда посещает людской мир, чтобы предстать перед тёмными очами всемогущих Стражников. А ещё в Сорочьем Царстве нет оружия, потому что Сороки друг друга не убивают.

Марина

Как замечательно жить в Сорочьем Царстве! Это самое прекрасное место на Земле! Жаль, что Стрёкоты этого так и не поняли. Жаль, что этого не поняла моя мать. Если бы не тяга этих недостойных называться Сороками ко внешнему миру, ничего бы этого было. Я могла бы также путешествовать этой зимой в санях по Сорочьему Царству самостоятельно, как я делаю каждые каникулы. (Я не сказала вам, что являюсь студенткой второго курса Института Культуры и Изобразительных искусств? Так вот, я ей являюсь.) Просто путешествовать, осматривать окрестности, вдыхать чистый (в отличие от людского мира) морозный бодрящий воздух. Кататься на коньках по замёрзшим речкам (ничуть не хуже, чем в так называемой Голландии, куда каждую зиму стремится Игорь.) А не мчаться, что есть мочи в лес в со-

мнительной компании Стрёкотов и малолетнего недокормленного Стражника.

Где-то там, глубоко внутри, мелькает мысль о том, что я, вероятно, увижу свою мать. Но нужно ли мне это после всех этих лет?

Игорь

Санями мы с Марком управляем по очереди. Марина молчалива, Сергей тоже. Довольно тепло. Снег падает большими хлопьями, но полозья саней скользят легко. Эта тишина начинает угнетать, ведь я от природы очень разговорчив. Мне ничего не остаётся, как смотреть по сторонам. Сорочье Царство действительно прекрасно в зимние дни. Мимо нас пролетают маленькие аккуратные, в основном деревянные домики, возле каждого дома – обязательный огород, впрочем, сейчас лежащий под слоем снега. Жители нашего Царства в большинстве своём страстно увлекаются «копанием в земле». Хотя, это не основной способ прокормиться. Можно, совсем не заниматься пропитанием. Достаточно обернуться сорокой, и природа сама накормит тебя всякими букашками. И людская, и птичья еда нам подходит в равной степени.

Я стараюсь не думать о том, что ждёт нас в мире Обособленных. А думать о этом надо. Найдём ли мы там моего брата, не ошибся ли я, когда предположил, что он направился туда? Кто-то говорил кому-то, что Саву видели в Сорочьем Царстве, уже после того, как по словам Стражников, был украден ребёнок. Но это только слухи, агентство ОБС,

как говорят в таком случае в людском мире. И, вообще, что за странная история с похищением ребёнка? Разве мой брат мог украсть дитя? Как, вообще, можно кого-то украсть из-под бдительного ока Стражников? Почему с нами отправили Сергея? При нём я, конечно, чувствую себя свободнее, чем чувствовал бы себя при любом другом из Стражников, но... Как-то странно всё это. И эта странность рождает в моих мыслях ещё одну тему для беспокойства. Как будто поводов нервничать у меня и без этого мало.

Хотелось бы мне залезть в голову Марины Иванович, чтобы узнать, о чём думает она. Наверняка, ей страшно. Но она не признается в этом ни за что. Никогда не заплачет, впрочем, никогда и не засмеётся. «Железная принцесса». И я люблю её. С самого детства. С десяти своих восторженных лет.

Марина

С ужасом жду вечера. Сегодня я не смогу обернуться, впервые за последние пятнадцать лет. Сегодня у меня не будет полёта. А будет ли он вообще когда-нибудь? Что там впереди? В лесу? За горами? В будущем? Что там?

Нужно остановиться где-нибудь перекусить и отдохнуть после нескольких часов пути. Мы проезжаем по местности, в которой в основной своей массе обитают Стрекоты. Флаги на их домах ясно говорят о принадлежности к клану «Виноватых во всей этой истории». После разделения Царства у каждой подгруппы появился свой флаг. Сороки-Пикалы на

своих домах развешивают флаги с изображением птиц, летящих на фоне полной луны, на домах Стрёкотов развиваются флаги с птицами, летающими над городскими небоскрёбами.

– Игорь? – привлекаю я его внимание.

– Да?.. – он поворачивается лицом ко мне. Кажется, я замечаю удивлённую радость в его глазах. И понимаю почему. Язык, небось, к гортани присох от долгого молчания. Он всегда был болтуном, в отличие от меня, предпочитающей уединение, покой и книги. Сейчас кажется странным, как это мы могли подружиться в детстве. Впрочем, дети легко находят общий язык друг с другом, а, когда подрастают, почему-то утрачивают этот замечательный дар.

– Может, постучишь в какой-нибудь дом и попросишь принять нас и угостить обедом? Разумеется, мы заплатим за постой и еду. Я заплачу.

– Во-первых, заплатить я и сам в состоянии. Но я думаю, что любой Стрёкот охотно окажет нам эту услугу задаром, когда увидит, кто стоит перед его дверью, – весело говорит Игорь. Я его радости не разделяю и считаю нужным всем своим видом продемонстрировать это.

Мы останавливаемся возле небольшого домика. Игорь уверенно стучит в деревянные двери, которые открываются довольно быстро. Широкая улыбка озаряет лицо Стрёкота, когда он озвучивает нашу просьбу.

– Нет! Нет и нет! – говорит хозяйка дома. – Я не мо-

гу вас принять. Простите! – И захлопывает дверь перед нашими озадаченными лицами, также быстро, как распахнула её после стука Игоря. Я вижу, как Сергей-Стражник прячет улыбку. Но мне сейчас не до веселья. Это началось. Жители потихоньку стали узнавать историю Савы и похищенного ребёнка. Иначе, чем объяснить такое поведение? Конечно, всю правду пока знает небольшой количество Сорок, но слухи уже поползли, этому немало способствовало нашествие Стражников, которые пытались выяснить, вернулся ли Сава в Царство после того, как похитил малыша. Скорее всего, им это выяснить удалось, раз уж они «откомандировали» нас в путь. Надеюсь, ближайшие соратники отца – Юрий Петрович и Иван Валентинович – смогут успокоить Пикал и рассказать моему народу облегчённую версию произошедшего, забывая упомянуть о том, что ждёт Сорочье Царство в случае неудачи нашего путешествия. А что касается Стрёкотов, то пусть Игорь сам с ними разбирается. Мне до них никакого дела нет. В конце концов, вину с них пока никто не снимал.

Наши сани скользят по дороге дальше. Конечно, Игорь расстроен, и я это вижу. Наверное, это событие поубавило в нём уверенности. Но я молчу по-прежнему. Мне совсем не хочется ни с кем разговаривать. Я вспоминаю своё несостоявшееся прощание с сестрой.

Радостная Виктория прибежала ко мне с вестью из больницы: отец пришёл в себя. Вот уж у кого-кого, а у моей сестрёнки все эмоции всегда написаны на лице. Этим она отли-

чается от отца, меня и этой женщины, которая называет себя нашей матерью. Вернее, называла. Вероятно, с тех пор, как она стала человеком, а затем Обособленной, эта женщина постаралась забыть о том, что у неё когда-то были дети.

– Марина, – прыгала Виктория вокруг меня в центральном зале нашего замка, в том самом, из окон которого папа любил смотреть по ночам. – Идём же, идём же к папе.

– Нет, Виктория, – я посмотрела в её удивлённые глаза. – Я не пойду.

– Но... как же... Как же так? – она растеряна. Моя маленькая нежная тростинка – совсем непохожая на меня-готова расплакаться.

– Через час мы собираемся ехать на поиски этого безумного Стрёкота. Ты знаешь.

– Но...

– Ты должна сказать отцу, что мы скоро найдём Савелия, и всё наладится. Всё будет отлично. За то время, пока мы его ищем, он поправится. Так должно быть, – я старалась говорить твёрдо.

– Но, Марина, папа поправится гораздо быстрее, если мы будем рядом. Пусть идут Игорь с Марком. Ты можешь остаться, – умоляюще глядела на меня сестрёнка.

– Нет, Виктория. Это не обсуждается. Я и твою жизнь еду спасать, – ответила я. Зачем скрывать от неё то, что, если мы не вернём этого ребёнка Стражникам в срок, который они установили для нас, Виктория умрёт, в день своего пятна-

дцатилетия? Она выбежала вся в слезах. Мы так и не попрощались. Виктория простит, она такая. Её явная склонность ко всепрощению порой меня просто раздражает.

Я выхожу из тумана воспоминаний. Всё же нужно где-то сделать остановку. Гостиницы поблизости я что-то не вижу. Что ж, постучим в дом к Пикалам, раз со Стрекотами нам не повезло. Я разглядела флаг «достойных называться Сороками» на причудливо раскрашенных воротах двухэтажного домика. То, что нужно. Утру нос этому Стрёкоту, докажу, что Пикалы более гостеприимны и менее трусливы, хотя эти путешественники считают нас боязливыми из-за того, что мы не летаем к людям.

– Конечно, конечно, принцесса Марина! – хозяйка радушно распахивает нам двери своего дома. Я морщусь, как от боли. Кто придумал называть меня принцессой? Сорочье Царство так называлось со времён Старой Сороки, но сейчас царей у нас нет, а уж принцесс тем более.

Мы проходим в дом. Хозяйка, женщина лет шестидесяти, искоса поглядывает на Стражника. Догадалась, кто он, и боится? Вероятно... Ну их все боятся в свете последних слухов. Интересно, что именно говорит народ.

– А, правда, что кто-то из Стрёкотов, – взгляд в сторону Игоря с Марком, – украл ребенка и где-то прячется с ним? – не удержалась хозяйка, разливая нам суп по тарелкам. Свекольник, заглянула я в свою. Что ж, хоть что-то приятное в этом путешествии, я люблю этот овощной суп.

– Не со всем так, – торопится с ответом Марк. – Да, кое-что произошло в людском мире. Но это, скорее, недоразумение. Просто Стражники неверно поняли одного нашего соплеменника. А вместо того, чтобы прояснить ситуацию испугался и спрятался. Ребёнок совсем, что с него взять?

– Ему семнадцать. Он уже не малыш, – подаёт голос Стражник. – Вы не волнуйтесь, гражданка, – обращается он к хозяйке дома. – Мы во всём разберёмся, каждый получит по заслугам. Нет вины – нет и наказания. Стражники всегда справедливы.

Если Сергей хочет её успокоить, то лучше уж пусть берёт пример с меня и молчит, плохой он оратор.

– Ой, ну как знала, как знала, ничего хорошего из этого не выйдет. – всплескивает руками хозяйка. – Ну разве нам в Сорочьем Царстве плохо живётся? Всё тут есть. Зачем они снова к людям-то полетели? Вот неймётся-то! А вы зачем им позволили? Не летали сто лет! И не надо было! – напускается неожиданно хозяйка на Сергея. Какие всё-таки Пикалы непредсказуемые. Я-то думала, она побаивается Стражника.

Он вдруг краснеет и смущается, тоже, видимо, не ожидал:

– Это не я, – звучит совсем уж детский ответ из его уст.

– Мал ещё тогда был позволять, – ухмыляется Игорь.

Стражник краснеет ещё больше. Надо же! Какой застенчивый Стражник. Почему его послали с нами? Почему не пошёл никто из старших Стражников? Стооооп!!!!

– Ты когда-нибудь переводил кого-то в край Обособлен-

ных? – спрашиваю я его. – Ты ходил через Живой лес?

– Нет, я...

– Что? – чуть было не срывается с моих губ удивлённый возглас, но, слава Старой Сороке, меня опережают Марк с Игорем в два голоса. «Железная принцесса» не поддаётся эмоциям.

– Мы возвращаемся обратно! Нам нужно поговорить со Стражниками. Почему послали его? Зачем он нам? Он даже дороги не знает! Что, вообще, происходит? – Игорь почти кричит. Не такой уж он и уверенный в себе, каким был в детстве. Давненько же мы не общались вот так.

Хотела бы и я знать ответ на вопрос "Что здесь происходит?"

– Это ничего не изменит. Только время зря потеряете. Сами знаете, как оно дорого, – говорит Сергей. – Если с вами решили отправить меня, значит так было нужно. – Стражник скосил взгляд в сторону хозяйки дома, показывая нам, что при непосвящённых не стоит затевать такой разговор. Он прав. Несмотря на то, что младше меня на год. Да и ниже, пожалуй, на пару сантиметров. Хотя мой рост сам по себе не велик.

– Потом поговорим, – прерывает Марк спор. – Мы остановились здесь передохнуть, погреться и поесть. Эта добрая женщина милостиво приняла нас в своём доме. Давайте не затевать здесь ссор.

Иногда Марк говорит разумно, хотя разумный Стрёкот –

это, вообще, оксюморон, по моему мнению.

Мы принимаемся за еду. Изредка перекидываемся ниче-го не значащимися фразами. Но напряжение витает в воздухе, кажется, что до него даже рукой можно дотронуться. Мы благодарим хозяйку и выходим на улицу. Закрывая за нами дверь, она задерживает Сергея:

– Иногда нужно быть больше милосердным, чем справедливым.

Не знаю, в отношении Савелия, я сейчас вряд ли могу с ней согласиться.

Глава четвёртая

Марина

– Мы возвращаемся! – конечно, это говорит Игорь, но в этот раз я с ним полностью солидарна. Не хватало ещё в лесу заблудиться.

– Я знаю, где берёт начало тропа, которая выведет нас к пещере. Мы найдём дорогу. Думаешь, я не задавался вопросом, почему послали именно меня? – уставился Стражник на Игоря. – Тропа, по которой бывших Сорок ведут в край Обособленных, одна. Я выведу вас, уж будьте спокойны на этот счёт.

– Откуда такая уверенность в юноше, который в начале пути казался оторванным от материнской груди? – ну ничего себе, Сергей, конечно, совсем юный Стражник, но всё-таки так со Стражниками разговаривать нельзя. Даже Игорю.

– Так или иначе, вам придётся идти со мной. У вас нет вы-

бора. Вы не в том положении, чтобы ставить условия Стражникам. Я Стражник, если вы об этом успели забыть, – приходит в себя Сергей и начинает разговаривать, как истинный Стражник, то есть надменно повелевать окружающими.

Марк с Игорем переглядываются. Тоже не ожидали подобных высказываний от парня. Я тяну Игоря за руку к саям. Почему-то он послушно идёт, хотя я ждала, что он будет упорствовать до последнего.

Мы садимся и продолжаем свой путь. К Обособленным.

Игорь

Обособленные. Все те, кто родились Сороками, но однажды поняли, что не хотят ими быть. Они добровольно отказались от дара превращения и переселились в людской мир, они стали людьми. Такая возможность предоставляется Сорокам. Стражники делают им необходимые документы, помогают с жильём и отправляют в свободное плаванье по миру людей. Ставшие людьми, естественно, навсегда утрачивают дар превращения, они не могут посещать Сорочье Царство, их детям, рождённым после отречения родителей, дар перерождения не передаётся по наследству.

Так вот. Обособленные – это те Сороки, которые стали людьми, но по прошествии какого-то времени осознали, что не могут найти себе места в людском мире. Каждый по своей причине.

Сорочье Царство никого не принимает обратно. Такова его природа, такова воля его Создательницы. Хочешь стать

человеком, стань им. Сорока – это не проклятие, это дар. А от дара можно и отказаться. При этом всегда важно помнить, что отказ от подарка неизбежно приведёт к разрыву отношений. Но Создательница милостива, она не обрекла своих птенцов на погибель в людском мире. Им разрешено вернуться, но не до конца. За Живым лесом, за горами для них отведен особая территория – Земля Обособленных. Там они и обитают. Ни одна Сорока не знает, как и чем живы Обособленные. Не знают об этом и Стражники. Функция Стражников в данном случае однобока – они лишь проводники.

Марина

В начале прошлого века в мире людей настали смутные времена. Революции, войны, трагедии. Стражникам некогда было наблюдать за Сороками и контролировать поступки жителей Сорочьего Царства. Нужно было решать проблемы своего мира. Чтобы не допустить нарушение баланса между Сороками и людьми, Стражники запретили жителям Сорочьего Царства покидать их дом. Всё, что у нас осталось тогда – это наше царство. Вся боль людского мира прошла мимо нас. Мы были сторонними наблюдателями. Мы не изменили ход человеческой истории. Мы выжили, благодаря этому запрету. В то время, когда люди гибли на полях сражений, наша жизнь протекала спокойно. Не скажу безмятежно. О, как многим хотелось, вмешаться. Тысячи просьб летели к Стражникам, но они были непреклонны. Об этом рассказывают во всех школах Сорочьего Царства на уроках истории.

В начале наступившего века запрет был снят. И это стало началом новой истории. Истории, которая свела нас здесь.

Игорь

– Пора бы уже где-то остановиться, вы не находите? – я долго ждал этого предложения от своих спутников. Не дождался. Я не гордый, сам спросил. Жду ответа. Вижу, как радуется Стражник. Устал, бедняга, а сказать не решается. Конечно, Стражники во всём должны быть выше и лучше Сорок.

– Да, уже ночь, не резон ехать. Да и кони подустали, хотя они выносливые, – поддерживает меня Марк. Впрочем, Марк поддерживает меня почти всегда, если дело не касается Марины.

Мы едем по Филиппову. Небольшой городок, в основном здесь проживают Пикалы. Не знаю, как насчёт нас, Марину-то мы точно на ночёвку пристроим.

– Здесь есть гостиница, я бывала тут... с отцом, – подаёт она голос.

Гостиница действительно вскоре находится. Двухэтажное небольшое деревянное здание.

Хозяин сонно поглядывает на нас. Его взгляд останавливается на Сергее. Чтобы там не говорили, а Сорока всегда Стражника почувствует, хоть кончиком своего знаменитого хвоста. Вообще, точно узнать Стражник перед ним или простой человек Сорока может, только попытавшись переродиться. Смогла – значит человек перед тобой. Нет так нет.

На Стражника нарвалась, будь он хоть сотню раз замаскирован. В его присутствии особо не разгуляешься.

– Стражник, – кивает хозяин на Сергея. – Сразу трое к Обособленным идут? Почему не было предупреждения? Скоро и Сорок не останется. А что это за слухи про Стрёкота с ребёнком? – сразу берёт он бык за рога. – Правда или болтают?

Марина снимает капюшон с головы. Хозяин, полноватый мужчина лет сорока – сорока трёх, её узнает.

– Принцесса Марина! О Старая Сорока, вы здесь? Как ваш батюшка? Говорят, лучше стало? Я слышал...

– Можно у вас остановиться на ночь? – прерывает Марина.

– Спасибо за беспокойство, – Марк отлично знает, что от Марины сантиментов не дождешься, да и проявления простой вежливости, в общем-то тоже, и вмешивается в разговор. – Господину Ивановичу действительно стало немного лучше. Так у вас найдётся номер или несколько для нас? Устали, как собаки. И голодны, как...

– Сороки, – вставляет Стражник. Хозяин настороженно поглядывает на него исподлобья:

– Конечно, номера найдутся.

Марина нетерпеливо говорит:

– Мы будем признательны, если вы предоставите нам возможность отдохнуть, как можно раньше. А вопросы можно и на потом оставить. Вы так не считаете?

Как она изменилась с тех пор, как её мать ушла в людской мир. Марина была добрым и открытым ребёнком. Немного застенчивая, но всегда готовая выслушать и поддержать, она никому не отказывала в помощи: ни цветку, ни животному, ни букашке. Она всегда питалась исключительно растительной пищей, даже насекомых жалела, как будто и не Сорока вовсе. А потом... Во всём она обвинила нас. Тех, кого в Сорочьем Царстве называют Стрёкотами.

Марина

Я снова сижу и смотрю в окно. Скоро это станет моим любимым занятием. За окном тьма непроглядная.

Смогу ли я уснуть этой ночью? Без полёта... Со всем этим терновым кустом в голове...

В детстве я очень любила свою мать. Это она научила меня быть сорокой. Быстро и безболезненно оборачиваться, любить полёт и Сорочье Царство, с его спокойными безмятежными, неторопливыми днями. Кажется, что само время течёт здесь по-другому, не спеша, задумчиво, рассудительно.

Помните ли вы, когда закончилось ваше детство? Я точно могу назвать дату окончания своего. Мне было пятнадцать, когда моя мать улетела. О нет, не сразу. Сначала она только, как и многие, навевалась «путешествовать» в людской мир.

А потом случилось то, что случилось. Она захотела быть человеком. Она захотела к нему, я слышала её ссоры с отцом из-за него... Она покинула Сорочье Царство и... не смогла

остаться в людском мире. Наверное, он её бросил тогда. Предал, как она предала папу и нас. Через год после того, как она отреклась от своих детей, Стражник проводил её в мир Обособленных. Так ей и надо.

Игорь

– Почему всё-таки с нами послали Сергея, как ты считаешь? – спрашиваю я своего лучшего друга, Марка, разумеется. Он растянулся на кровати.

– А ты бы хотел, чтобы пошёл кто-то из стариков? Да при них ведь слова лишнего не скажешь. Хотя ты прав. Поэтому и подозрительно. Да чего гадать-то? Разве сейчас выяснишь, почему... – Марк зевает. – Может, поспим?

– Спи. Я ещё погадаю маленько, – я сажусь на подоконник и смотрю в окно. Снег прекратился, и на небе видны крохотные звёзды, которые на самом деле очень большие. И мне чудится, что весь мир притворяется другим, не таким, какой он есть на самом деле. Зачем? Для чего?

Спать совершенно не хочется. Тоска сжимает внутренности твёрдой рукой. Чувствую себя ...человеком.

Интересно, спит ли Марина, там за стеной. Вряд ли. Я знаю, что перед сном она всегда летает. Мы с ней могли бы облететь полмира. Или даже весь мир. Но она видит только Сорочье Царство. Она не знает, как прекрасен мир людей, и как будет страшно и больно потерять его. Я же – «слуга двух господ». Но если придётся выбирать, я бы предпочёл стать человеком. Да простит меня Старая Сорока, если она суще-

ствовала. Хотя, иначе, чем объяснить существование нашего Царства? Разве, что мутацией. Какая ерунда в голову лезет. Пожалуй, действительно пора спать.

Завтра пока ещё будет.

Глава пятая

Марина

Спало плохо. Это и неудивительно, перед сном я обычно всегда летаю.

Выглядываю в окно, кажется, похолодало. Но, Старая Сорока, как же красиво! Деревья, покрытые инеем, Сороки скачут под ними, стрекочут, счастливые. Не знают ещё, какое "светлое" будущее уготовили им Стражники. Пока Сергей не вышел на улицу, они могут себе позволить быть Сороками, при нём не переродишься.

Как же хочется открыть окно и полететь! Хочется сильно, страстно, отчаянно. Но Сергей рядом, за стеной, поэтому перерождения не будет. Хотя ... а почему бы и мне не попробовать? Интересно, получится ли. Ведь у тех за окном, во дворе, получилось. Я же собираюсь летать по улице, а не возле лица Стражника крыльями размахивать, он даже не узнает. Я только немного летаю, мои мысли придут в порядок, мне нужно только чуть-чуть успокоиться... Я скидываю с себя одежду и... привычное голубое сияние охватывает тело. Чудо перерождения. Я Сорока.

Я вылетаю во двор. Как же хорошо! Невыносимо хорошо! В воздухе витает запах разрезанного арбуза, так пахнет све-

жесть и чистота моего Сорочьего Царства. Разве на улицах столицы людского мира услышишь такой запах? Я ощущаю свои крылья, они сильные, способные поднять меня над землёй, преодолев силу притяжения. Я радостно парю над двором. Мои тело и душа наполняются жизнью. Я свободна и счастлива!

– Чьюк, чьюк, чьюк...

Мой взгляд устремляется на гостиницу, и...я вижу Сергея, который смотрит на меня из окна своей спальни. На меня глядит Стражник, его взор прокалывает меня насквозь, будто выпущенная острая ядовитая стрела. «Конец,» – успеваю подумать я, прежде чем сродниться с темнотой, навалившейся на меня.

– Не сможет вернуть человеческий облик... пока ранена... – кто это говорит?

Я с трудом разлепляю веки, всё расплывается перед моими глазами. Кто здесь?

– Слава Сороке! – Марк, кажется.

– Слава Богу, – Игорь? Он выражается, как человек.

Я удивлённо смотрю на своё крыло, которым пытаюсь потереть глаза, в них будто песка насыпали.

– Что происходит? – хочу спросить я. Но слышу только "киййя-киййя". Всё тело пронзает боль, ужасная, наглая, настырная боль, которую я вытерпеть не могу. Я снова проваливаюсь в спасающую меня темноту. Последнее, что я вижу сквозь пелену: Марк прогоняет Сергея из моей комнаты.

Марина

Просыпаюсь. Очень хочется пить. Понимаю, что я всё ещё сорока, обратно в человека почему-то не обернулась. Правое крыло перевязано. Болит, но вполне терпимо. Пытаюсь подняться на ноги. На лапы, простите. И понимаю, что перевязанное крыло не основная моя проблема. Внутренности болят так, как будто меня били. То есть я, конечно, предполагаю, что примерно так они должны болеть после побоев. Я не узнаю помещение. Где это мы?

– Лежи, лежи, не вставай, – это Марк. Садится на кровать возле меня.

Я бы с удовольствием спросила его, где остальные и где, собственно, мы с ним находимся. Комната мне совсем незнакома. Но, будучи человеком, в настоящий момент Марк слов моих не поймёт, человеку не дано понять сорочьего стрекотания.

– Сейчас доктор должен прийти. Он уже два дня едет вместе с нами. Ушли вместе с Игорем в город ненадолго, – несмотря на вежливые слова, я чувствую холод, который исходит от Марка. Этот парень меня недолюбливает. Впрочем, я недолюбливаю всех Стрёкотов. Так что вполне взаимно.

«Какой доктор, в чём дело?»

– Ты, наверное, хочешь узнать, что происходит, и где мы находимся? – спрашивает Марк.

«Слава Старой Сороке, догадался.»

– В общем, с тех пор, как ты обернулась, ...принцесса, –

пренебрежение, которое вложил Стрёкот в это слово, я различила явственно, несмотря на тупые боли внутри меня. – Зачем, кстати? Для тебя разве закон не писан?

Да ладно. Потом отчёт дашь. И не мне.

«Отчёт? Разве это похоже на меня? Некоторые чужих детей похищают...»

– В общем, упала ты с высоты второго этажа. Крыло вывихнуто, внутренние органы отбиты. Овернуться ты не можешь, пока не выздоровеешь. А овернуться надо бы. С нами Стражник, сама понимаешь. В присутствии Стражника тебя и «ломает». Тело стремится стать человеком, но не может. Я нашёл доктора ещё в Филлиппове. Тебе колют сильное обезболивающее. Ты уже три дня без сознания. Врач с нами едет. Мы наняли ещё одни сани для вас с доктором, чтоб уж ты не была так близко со Стражником. Вообще-то, я предлагал оставить тебя в той гостинице. С врачом. Не одну, не надо на меня смотреть так укоризненно. Всем бы от этого лучше стало. И тебе тоже только на пользу. Но Игорь побоялся. А сейчас, когда ты пришла в себя, думаю, тебя лучше в столицу обратно отправить.

«Стражник. Почему без предупреждения?» – вспоминаю я слова хозяина гостиницы.

О, Старая Сорока! Какая же я дура! Прежде чем Стражник отправляется сопровождать бывшую Сороку в край Обособленных обязательно звучит предупреждение о том, что жителям Сорочьего Царства запрещено обращаться на

пути его следования, чтобы избежать вот таких ситуаций, которые произошли со мной. Никто об этом не подумал. Мы хотели, чтобы как можно меньше народу знало о том, что мы идём к Обособленным. Надеюсь, кроме меня никто не пострадал больше.

– Объявление сделали. Все предупреждены, никто не пострадал. Для всех остальных – мы знаем, где Сава и идём за ним. Ребёнка якобы нашли. С ним всё в порядке. Саву ищем для выяснения всех обстоятельств, если говорить языком Стражников. Такова версия. Так что народ более или менее спокоен.

«Скорее уж менее. После стольких лет безмятежной жизни любое мало-мальски выходящее за привычные рамки событие пугает. А похищение ребёнка, тем более человеческого...»

В комнату заходит Игорь и сразу же бросается ко мне. Я вижу обеспокоенную радость в его глазах, когда он обнаруживает, что я в сознании. Жаль, что я не могу ничего сказать, меня так и тянет съехидничать, несмотря на боли.

– Марина, как хорошо, что ты пришла в себя, – говорит Игорь. – Мы почти добрались до леса. Завтра мы уже выйдем на тропу Обособленных. Ты поправишься. С нами врач. Так что теперь всё будет хорошо!

Он садится на кровать возле меня:

– Мы так переживали за тебя... – он молчит некоторое время, я понимаю, что подыскивает аккуратные слова, с та-

ким выражением лица хорошего не говорят. – Это такой риск. Понимаешь? Ты и Стражник в лесу. Рядом. Мы подумали. И врач меня поддерживает. Может быть...

«Ни за что» – хочется крикнуть мне ему в лицо, но...

Игорь

Что это? Какой ужас! Боже, Старая Сорока, кто-нибудь!

– Марк, беги за врачом. Он в своём номере! – кричу я другу.

Изо рта Марины идёт пена, а сама она бьётся в конвульсиях. На миг становится человеком, снова обращается в сороку. Это повторяется несколько раз, с такой быстротой, что ... Что? Что? Что?.. Что делать? Она... что, умирает? Нет! Да?

– Да скорее же! Где этот шэкков врач? – кажется проходит столетие прежде, чем в номер вбегает доктор.

Он накидывает одеяло на Марину. Она затихает. Сорока. Сорока. Не человек. Врач ставит ей какой-то укол и хватает за руки, прижимает к себе так сильно, что я пугаюсь, как бы он не задушил её:

– Поосторожнее, доктор. Она ...

– Это успокоительное, – прерывает меня доктор. Она сейчас заснёт. – Что вы ей сказали, чтобы вызвать такую реакцию? Впервые вижу подобное. Скольких Сорок лечил.

– Я сказал, что вы с ней едете домой... – я всё ещё под впечатлением от увиденного кошмара. – Я не думал, что...

– Значит, не едем, – спокойно говорит он. Никуда мы не поедem, – шепчет он тихонечко Марине. – Не переживай. Всё

хорошо. — Успокаивает он её, как успокаивают маленьких детей.

— Мне придётся идти с вами. Врач вам в пути не помешает. Да и лишний рюкзак с провиантом тоже, — говорит он, обращаясь ко мне.

Я смотрю на него с благодарностью и не знаю, что сказать. Неужели нам наконец-то повезло, а то после того, как Марина рухнула вниз во дворе той гостиницы, я почти отчаялся. Я никогда не был боязливым, а за неё вот боюсь. Зачем она только поехала с нами? Прав был Марк.

— Спасибо, вам, доктор. — я жму его твёрдую руку.

— Я врач. Всего лишь врач. Пожалуй, вам лучше выйти. Я посижу с пациенткой.

Мы с Марком выходим.

Как мы пересечём лес с больной Мариной на руках? Примерно три дня пути при благоприятных обстоятельствах. На улице зима. А если вдруг ударят морозы, такое редко, но бывает в нашем Царстве. Мы не можем позволить себе идти медленно. Скоро время Сергея выйдет. Сорочье Царство выдворит его за свои пределы. Лишь бы успеть дойти до пещеры. Лишь бы успеть...Надеюсь, врач правильно оценивает Марино состояние, и ей не хуже, чем мы думаем.

Глава шестая

Игорь

Вот он, Живой лес. Отсюда берёт начало тропа Обособленных. Марина, укутанная в мой свитер, дремлет на руках

у врача. Его зовут Александр Витальевич. Он уже не так молод, наверное, слегка за пятьдесят. Повезло нам, что Марк нашёл его в Филиппове. Он живёт в соседнем городке, Медведково. Тамошний врач, работает в больнице.

Мороз крепчает. Надеюсь, тропа не слишком занесена снегом. Время, время... Никак нельзя его терять.

Марине каждые пару часов нужно делать уколы. Иначе её начинает «ломать» из-за присутствия Стражника. Когда она сможет обернуться в человека? И... сможет ли вообще?

Если что-то оставить где-то, то обязательно туда вернёшься. Когда не слишком веришь в себя, начинаешь верить в приметы. Поэтому наших лошадей (с санями вместе) мы определили на постой, а за нанятыми санями должен в скором времени приехать сам хозяин.

Сергей смотрит уверенно, от бывшей растерянности не осталось и следа. Таким он мне больше нравится, может, и выведет нас. Хочется надеяться.

– Здесь, – говорит Стражник. – Тропа начинается здесь.

Мы стоим молча. Надо заходить в лес. Предчувствие нехорошее. Сказать прямо, плохое предчувствие, но идти всё равно надо. И снова почему-то непрошено мелькает мысль о том, что всё в этом мире не такое, каким кажется.

– Со Старой Сорокой, что ли, – наконец произносит Марк, и это служит сигналом для нас. Мы заходим.

Действительно, вот она, тропа, по которой нам нужно пройти. Страшная тропа. Не широкая, и не слишком узкая,

извилистая, вдоль неё, подобно забору, выстроились высокие деревья, хвойные и лиственные. Странно, но несмотря на то, что уже декабрь, не все деревья сбросили свою жёлто-красную листву. Нарядные охранники, шэкк бы их побрал.

Сергей идёт первым, за ним Марк, потом я. Замыкает нашу небольшую колонну врач. Врач же везёт санки, которые представляют собой не слишком большую тележку на полозьях, толкаемую перед собой. На них спальные мешки и некоторые другие необходимые нам вещи. Марину врач также укладывает на санки. Говорит, так ей будет удобнее. Она проснулась, но не стонет, а только удивлённо смотрит по сторонам. Александр Витальевич говорит, что ей не очень больно, пока действуют лекарства. Надеюсь, что это действительно так.

В лесу тихо. Только снег скрепит под ногами. Тропа, к нашему счастью не занесена снегом, а лишь слегка припудрена, и мы можем идти достаточно свободно. Санки тоже едут легко. Я предлагаю доктору передать их в мои руки, но он отвечает, что ему нетрудно. Думаете по тропе Обособленных ходят часто? Это не так. Обособленными Сороки становятся редко. Со времён снятия Запрета, по крайней мере. Для этого тоже нужна храбрость. При чём двойная порция храбрости. Первая пригодится тогда, когда Сорока решит стать человеком и уйти в людской мир, вторая, – когда человек, бывший некогда Сорокой, решит вернуться обратно.

Мы идём молча, уже где-то около часа, как будто боимся нарушить тишину. Впервые я так глубоко в лесу. Ощущения странные, вроде, даже приятные. Чувство тревоги не исчезло совсем, но как-то притупилось. Подобные ощущения непривольно возникают внутри каждого, когда он оказывается в незнакомом месте.

Внезапно врач хватает Марину и бросается в сторону... И что за шэкк? Деревья пропускают его...

– Куда? – кричим мы втроём. Но он бежит вглубь леса, унося на своих руках девушку, столь дорогую моему сорочьему сердцу. Я делаю попытку бежать за ними, но деревья грубо перекрывают мне путь. Марк тоже зацепился за ветки и беспомощно машет свободной рукой. Сергей же не двигается с места.

– Чего ты ждёшь? – кричу я ему. – Бежим за ними, пока он не ушёл.

– Нет. Мы не должны сходить с тропы. Если мы заблудимся, обратной дороги нам не найти... Сходить с тропы Обособленных запрещено при любых обстоятельствах, – слышу в ответ.

– Ты тупой осёл! – кричу я в отчаянии. – Ты не видишь, что происходит? Он смог пройти. Лес почему-то пропустил его и Марину. Куда он побежал? Зачем? Он же погубит её! Марк, откуда ты вообще взял этого паршивого доктора? – обвиняю я приятеля и почти забываю о том, что я сам радовался тому, что врач решил составить нам компанию.

Мы боремся с деревьями, но их цепкие лапы не желают сдаваться.

– Проклятые ветки! – я ломаю сучья, но хватка деревянных великанов не ослабевает.

Наконец они отпускают нас. Внезапно, как будто по чьей-то команде. Я со всех ног бегу к Стражнику, который, по-прежнему, продолжает стоять на тропе, и хватаю его за грудки.

– Остынь, – оттаскивает меня Марк. – Да, упокойся же ты! Ещё не хватало тебе напасть на Стражника. Мало у нас проблем! – Я чувствую, как дрожит Марк. Он напуган. Я, впрочем, тоже, чего уж тут скрывать. Мне страшно, не за себя, за неё.

– Ты должен пойти с нами. Пожалуйста, ты же видишь, мы не можем пройти без тебя, – обращается Марк к Сергею. О Старая Сорока, откуда в нём столько терпимости?

– Вы не понимаете. Мне даны строгие указания. Я не могу их нарушить. А ещё время... Если мы потеряем время, а врача не найдём... Я-то вернусь домой. А вас лес погубит. Вы не сможете выбраться. Сорочье Царство погибнет. Иногда нужно жертвовать малым, чтобы сохранить большее.

– Малым? Это Марину ты так называешь? – я снова хватаю его за грудки. Видит небо, как мне хочется ударить его. Ударить Стражника. Ударить сильно. А потом будь, что будет.

– Игорь, он прав. К сожалению, – Марк кладёт руку мне

на плечо. — Если ты подумаешь, сам поймёшь его правоту. Врач ушёл, пока мы выпутывались из ветвей. Нам не догнать его. Лес на его стороне.

Я сбрасываю его руку. Комок злых слёз подступает к горлу. Зачем мне Сорочье Царство, в котором не будет Марины? Пусть даже Марины, презирающей меня. Я хочу быть человеком и жить по-человечески.

Господи, ну, почему? Почему после снятия Великого Запрета Сорочье Царство поделилось на подгруппы, и Марина оказалась на противоположной стороне? Как бы мне хотелось показать ей весь мир. Весь человеческий мир. С его радостями и болезнями, с его войнами и разрушениями, с изменами и предательствами, с его болью и... с его надеждой, с его ранним утром, с его верностью и самоотверженностью, с его ... беспокойным счастьем...

Сергей молча устремляется вперёд по тропе. Я стою и невидящим взглядом смотрю в пространство перед собой. Иногда жизнь просто не оставляет выбора.

Я проглатываю так и не пролившиеся слёзы и иду вслед за Стражником. Я найду Саву.

Мы идём уже несколько часов. Первым идёт Сергей. Я иду следом за ним, толкая перед собой санки. У врача остался небольшой рюкзак. Маринину одежду он успел тоже прихватить из саней. Хорошо, что хоть об этом позаботился. Становится всё холоднее и холоднее. Моё лицо и руки начинают

замерзать. Я натягиваю шарф на нос. Оглядываюсь на Марка, ему тоже холодно. Наверняка, Стражник тоже замёрз, впрочем, об этом я думаю с лёгким злорадством. Окружающие деревья кажутся строгими и опасными надзирателями, готовыми в любой момент растерзать своих подопечных.

Кто назвал этот лес живым? Это проклятый лес. Такое название подошло бы ему гораздо больше. Раньше, ещё до Великого Запрета, этой же тропой водили Обособленных в неизведанную страну. После снятия Запрета ничего не изменилось. Почему отрёкшимся просто нельзя вернуться и жить в своём Царстве? Почему Старая Сорока решила иначе? Каждый имеет право на ошибку. Почему же Создательница лишила Сорок этого права? Это несправедливо.

Никто не знает, что это за земля – территория Обособленных. Те, кто ушёл туда, не возвращались обратно. И никто никогда не воспротивился этому закону. А вдруг Стражники могут что-то изменить? Вон, до недавнего времени считалось, что никто из Сорок не может без сопровождения Стражника пройти по лесу. А теперь выясняется, что такое вполне возможно. Уже второму жителю Сорочьего Царства удалось подобное.

Конечно, я не доверяю Стражнику, но поговорить об этом надо. Так или иначе, требуется привал. Слишком похолодало. Нам требуется горячая пища.

– Привал, – команду я. – Разводим костёр.

Глава седьмая

Игорь

Я переживал, что лес нам даже костра не даст развести, но нет, ветки, которые мы собрали, разгорелись довольно быстро, даже несмотря на то, что мы подбирали их со снега. Мы греемся возле огня, и я думаю о том, есть ли у Марины возможность поесть и обогреться. Захватил ли врач с собой спички? Может быть, Марина сейчас где-то мёрзнет в лесу... О том, как в одиночестве до Обособленных добирался мой брат, мне даже думать не хочется. Впервые закрадывается мысль о том, что я мог ошибиться, слишком уж жутко идти по лесу одному. Может, Сава схоронился у кого-то из друзей в Сорочьем Царстве?..

Вода, фляги с которой также лежали в санях, разумеется, превратилась в лёд, приходится растапливать её на костре. Разогретые консервы быстро утоляют голод, хотя вкуса их я различить не могу. Просто чувствую, что наелся и всё, хотя съел совсем не много. Какой уж тут аппетит? Смотрю на Стражника, ест как ни в чём не бывало. Хотя у него и в самом деле всё в порядке, в отличие от нас.

– Ты – Стражник, – обращаюсь я к Сергею. – Наверняка, у тебя есть предположения о том, как такое возможно, чтобы лес пропустил Сороку без кого-то из ваших? Никто из Сорок не поверил моему брату, когда полгода назад он сказал, что добрался до пещеры, но Сава с детства был выдумщиком, все привыкли к его фантазиям. Когда его не смогли найти ни у людей, ни в нашем Царстве, я предположил, что это прав-

да. Стражники поверили мне. Теперь меня мучает вопрос: мне ли они поверили? Может быть, они что-то знают о том, что по лесу можно нам можно ходить и не на пару? Что ты слышал об этом?

– Вы не доверяете нам. С какой стати мы должны доверять вам? Мне нечего сказать тебе, – отвечает он, отвернувшись.

– Что ты себе позволяешь? – я рвусь к нему, но меня останавливает Марк. – Да не трону я его, – отталкиваю я руки приятеля раздражённо.

– Ты опять пытаешься напасть на Стражника, – Сергей смотрит мне прямо в глаза, не боится. А зря.

– Ты думаешь, что звание Стражника защитит тебя от меня? – усмехаюсь я злой усмешкой. – А ты подумай лучше вот о чём: моему брату грозит наказание, Сорочье Царство на грани исчезновения, Марину унёс какой-то гад. И после этого я ещё должен чего-то бояться? Нет во мне страха, – я выдерживаю его взгляд, и он первый опускает глаза.

– Хорошо. Я мало знаю, но расскажу, что мне известно. Нам ещё долго идти вместе, мы должны научиться доверять друг другу.

«Ага. Чтобы я верил Стражнику? Не дождёшься», – думаю я. Но вслух, естественно, говорю совсем другое:

– Давай, хотя бы попытаемся. Не знаю, как у меня получится, всё зависит от того, что ты расскажешь.

Стражник начинает свой рассказ с вопроса:

– Кто может пройти через Живой лес согласно закону?

– Глупый вопрос! Сорока в сопровождении Стражника, – выкрикивает Марк.

– И только так. Это установлено Старой Сорокой. Вариантов нет, – подтверждает правильность его ответа Сергей.

– И это всё, что ты хотел нам сказать? – разочарованно протягивает мой приятель. – Ты только, что видел нечто иное. Вон, как доктор через лес ломанулся, только пятки засверкали.

Ломанулся? Я правильно расслышал? Марк слишком много времени провёл в людском мире.

– Нет, не иное. Иных вариантов, повторяю, нет. Только так. Догадываетесь, к чему я веду?

Сорока и Стражник. Пара. Комплект. Единство.

Я догадываюсь вперёд Марка:

– Ты хочешь сказать, что врач и Сорока, и Стражник одновременно? Но как такое возможно? Он – сын Сороки и Стражника? Но ведь это ... невероятно. Это запрещено! Если Сорока влюбляется в человека и хочет связать с ним свою судьбу, она отрекается от дара и уходит в мир людей! Сороки не имеют права рожать детей от людей! А уж тем более от Стражников!

– Мы предполагаем, что кто-то из предыдущего поколения Стражников нарушил закон и... связался с Сорокой, а она родила от него ребёнка.

– А почему Сороки об этом ничего не знают? – злюсь я. – Почему наши соглядатаи нам об этом ничего не сказали?

– Сами понимаете, почему. Стражники призваны охранять закон, а не нарушать его. Мы должны быть чисты перед вами, вне всяких подозрений, как...

– Жена Цезаря, – услужливо подсказывает Марк.

Сергей удивлённо смотрит на него, потом неуверенно улыбается и продолжает:

– Когда после Большого Запрета один из Стражников провозжал к пещере Обособленного, ему показалось, что за ним следят. Позже подобное повторялось несколько раз. Видели человека в лесу. Описания всегда совпадали: уже не молод, невысокий, полноватый. Вообще-то, я сейчас понимаю – похож на вашего доктора. Мы решили, что он один такой, особенный, «бродец». Тогда мы пришли к единственно возможному выводу. Вот и весь секрет.

– Подожди, – прерываю я его. – А Сава? Он-то как прошёл?

Сергей смотрит на меня с жалостью:

– Ты спрашивал, почему с вами отправили меня. Я точно не могу быть отцом твоего брата. Нужно выяснить, кто из нас... вероятно... твоя мать...

В следующую минуту я сжимаю горло Сергея. Он хрипит и закрывает глаза. Господь всемогущий, я только что убил Стражника.

Глава восьмая

Игорь

– Дышит, – с облегчением говорит Марк. – Живой.

Я не знаю, как описать своё состояние. Что-то вроде оцепенения, или вернее будет, оцепение? Я сижу, обхватив голову, руками. Не может быть, чтобы моя мама и кто-то из Стражников... Кто-то из нынешних Стражников отец моего брата? Мама изменила отцу со Стражником? Я не верю. Я не могу этому верить. А чем тогда объяснить, что Сава прошёл через лес? Должна же быть какая-то причина, по которой лес пропустил его!

– Ты так легко поверил в то, что отец врача Стражник, – говорю я себе.

– Я не знал его мать, – сам же отвечаю себе я. – А свою маму я знаю. Я не допущу такой мысли, я не унижу нашу семью подозрениями, клянусь памятью своих родителей, что выясню правду.

– Я понимаю твоё состояние... и не сержусь, – говорит пришедший в себя Стражник.

– Заткнись, – прерываю я его. – Мне не нужно твоё прощение. Я готов ответить за свой поступок по возвращению домой. Мне не нужна жалость Стражника. Тушим костёр. Дальше идём до темноты без привалов.

И никто мне не возражает. Где ты, Марина?

Мы идём уже несколько часов. Периодически каждый из нас достаёт из своего рюкзака термос, чтобы согреться глотком горячего чая. Сейчас санки впереди себя толкает Марк. Все устали, но я упрямо не хочу останавливаться. Я злюсь на

всех: на себя, Стражника, Саву и даже Марка.

Внезапно откуда-то слева раздаётся протяжный вой. Волки. Я пугаюсь и вздрагиваю от неожиданного сюрприза Живого леса. Хотя... Мы же в лесу, почему бы здесь не быть волкам. Только, как в таком случае по этой треклятой тропе ходили Обособленные? И как прошёл по ней Сава? Или он летел? А если Марина с доктором нарвались на волков? Она – Сорока, она сможет улететь... Но она больна...

– В лесу есть волки? – испуганно говорит Стражник. – Мне об этом не сказали.

– Вообще-то, может быть и есть, – отвечаю я с раздражением, пряча испуг, куда подальше. – Никто же вглубь не ходил, чтобы утверждать со стопроцентной точностью. Когда Сава полгода назад сообщил, что прошёл тропой Обособленных, про волков он слова не сказал, – добавляю я уже спокойнее, для Марка.

– Ваши тоже не упоминали, – опасливо произносит Марк, обращаясь к Стражнику. – Сава только про говорящие деревья говорил, – это уже ко мне.

И тут вопрос о волках отпадает сам собой, потому что из-за деревьев показываются они. Волки. О которых никто никогда не упоминал.

Их шесть штук. Серые, оскалившиеся, со вздыбленной шерстью на мощных загривках, мечта любого заблудившегося в лесу грибника.

Они подходят, сверкая острыми желтоватыми клыками.

Бежать? Не имеет смысла. Эх, если бы могли обратиться в сорок! Но Стражник же сквозь землю не провалится, чтобы предоставить нам такую возможность. Мы пятимся, волки наступают. Спина упирается в дерево. Деревья. Наши злоеющие охранники.

– Лезем! – шепчу я, как будто боюсь, что волки услышат меня и помешают.

Но парни и сами догадались. Тем более альтернативы так или иначе нет. И мы забираемся на деревья. Рюкзаки мешают, но снимать их просто нет времени. Наши недавние враги – деревья – в этот раз спасают наши юные жизни. Озлобленные животные лязгают челюстями, упустив своих жертв. А потом, повинувшись воле вожака (он крупнее всех остальных) укладываются под деревьями.

Проходит пара часов. Мы продолжаем сидеть на деревьях, волки продолжают лежать под ними. Спокойные, ленивые, зевающие животные, терпеливо охраняющие свою будущую пищу, то есть нас. Я весь заледенел, если волки не уйдут, этой ночью нам суждено погибнуть. Мы просто умрём от холода на этих проклятых, Сорокой забытых, деревьях.

На лес неумолимо опускается ночь. С большим трудом мне удаётся достать фонарик из рюкзака. Хорошо, что я предусмотрительно положил его туда, а не бросил где – то в саях. Замёрзшие батарейки работать не хотят, приходится доставать их и греть своим дыханием. Я направляю луч на волков. Лежат. И не холодно им?

– И не холодно вам? – ору я волкам охрипшим от мороза голосом.

– Вас дети дома что ли не ждут? – кричит Марк в свою очередь.

И тут, как будто вспомнив об оставленной дома семье, самый крупный из зверей – вожак – встаёт на лапы и убегает в темноту, перед этим протяжно повыв не на Луну, на деревья. За ним медленно, не спеша, оглядываясь, следуют остальные волки. Но ещё около часа мы сидим на деревьях, пока холод, оказавшийся сильнее страхе, не сгоняет нас вниз. Мы разводим костёр.

– Они не вернутся, как вы считаете? – спрашивает Стражник с дрожью в голосе.

– Будем надеяться. Но нужно быть начеку, – отвечаю я, запрятав раздражение, он и так напуган, чтобы ещё и от меня выслушивать. – Давайте поедим.

– Столько времени потеряно из-за этих волков, – вздохнув, Сергей заводит привычную волюнку после ужина.

– Ложитесь спать, – останавливаю я его. – Завтра будет утро. Завтра и выслушаем твои сказки о потерянном времени. Рано ещё наматывать сопли на кулак. «Я не привыкла размазывать сопли по крыльям». – сказала Марина. Увидимся ли мы с ней ещё?

Мои спутники укладываются на тропу возле самого костра. На своеобразные лежанки, сделанные ими самими из веток деревьев. В спальные мешки залезть никто не решается,

боясь не успеть выбраться из них при повторном появлении грозных лесных хищников.

Все спят, а я смотрю на огонь. Картинки минувшего тревожного дня мелькают перед моими глазами. Я прислушиваюсь к каждому шороху. И мне, как и моему брату, начинает казаться, что деревья разговаривают со мной.

Они говорят о том, что завтра наступит новое утро. Возможно, боль ушедшего дня в нём станет меньше. Возможно, с рассветом всё будет по-другому. Простятся обиды, молитвы долетят до небес, успокоится мятущаяся душа. Разум сложит великолепную картинку из кусочков пазла. И останется только прожить новый день, ясный и яркий. Возможно, когда-нибудь случится и такое. Главное знать. Всегда знать, что новое утро непременно наступит. Оно всегда так поступает. У утра тоже есть свои правила. И не надо сегодня, пожалуйста, говорить об исключениях.

Глава девятая

Игорь

Ночь прошла быстро и на удивление спокойно. Под утро даже мне удалось немного поспать.

Мы идём дальше, постоянно оглядываемся по сторонам и прислушиваемся к каждому доносящемуся до нас звуку. Мысль о том, что мой брат может быть сыном Стражника не даёт мне покоя. Я стараюсь не забивать себе голову плохими мыслями, но это занятие является абсолютно бесполезным, ибо она сама забивается. В мысль о Саве красной горящей

нитью вплетается мысль о Марине и подлом докторе. Враче, простите. Прибавьте к этому новообретённый страх волчьего нападения.

Марина больна. Зачем врач похитил её, какую цель он преследует? Если предположить, что в нём и в самом деле есть доля крови Стражника, то на чьей стороне он играет? Стражников? Сорок? Своей собственной? Больше всего на свете сейчас мне хочется вернуться домой и каким-нибудь образом вытрясти правду из Стражников. Всё меньше и меньше верится в то, что наш поход может завершиться удачей. Стражники найдут причину, чтобы уничтожить Сорочье Царство. Только бы добраться до территории Обособленных. А там ...

– Чёрт, чёрт! – вопит Сергей.

Погружённый в свои невесёлые мысли я не сразу понимаю, что происходит. Вокруг нас прямо на тропу валятся деревья, словно подрубленные ловкими руками, привыкшими к топору. Мы стараемся прикрыть головы, как будто это может спасти в случае падения дерева прямо на нас. А они падают и падают... Со страшным грохотом. Не задевая нашу несчастную троицу, а загоняя в ловушку. Уже через несколько минут мы окружены кучей поваленных деревьев. Они перестают падать также внезапно, как начали это делать.

– Что это было? – Стражник испуганно оглядывается по сторонам.

– На нас обрушились деревья, всего-то. – медленно, как

будто не своим голосом отвечает Марк. – Ничего особенного не произошло.

– Да мы два часа будет отсюда выбираться! А вдруг я не успею довести вас до пещеры? Мне дана неделя. Понимаете, всего неделя! А сегодня шестой день, как я в Сорочьем Царстве. На седьмой день я вернусь домой. Я рассчитывал на то, что завтра утром мы подойдём ко входу в пещеру. А если ещё что-то произойдёт? Волки, например, вернуться! Или обезьяны верхом на лисах прискачут? Мы итак потеряли столько времени из-за прихоти вашей Марины, – кажется Сергей истерит. Бьющийся в истерике Стражник – это что-то новенькое.

– О Старая Сорока! Да помолчи ты! Нужно выбираться, а не слёзы лить по поводу и без повода, – говорит Марк, слегка успокоившись. Марк иногда говорит очень правильные вещи. Он, вообще, хороший и разумный парень, мой приятель Марк.

– Тем более, мне непонятны твои переживания. Тебе-то что? Уничтожите Сорочье царство и дело с концом, – добавляю я.

– Я о вас забочусь. Погибнете ведь в лесу одни, – бурчит Сергей обиженным тоном.

– А с чего они, интересно, попадали? – спрашивает нас Марк. Нашёл кого спросить.

Мы с Сергеем переглядываемся и произносим хором:

– Мы не знаем.

Внезапно нас охватывает смех. И откуда он только взялся? Смех как противоположность страху. Смех как воскрешение. Смех как жажда жизни после того, как почти смирился с собственной смертью. Благослови, Небо, того, кто придумал смех. Мы смеёмся так сильно, что на глазах выступают слёзы. И хотя я понимаю, что этот смех вызван пережитым нервным потрясением, он приносит мне облегчение. Я так давно не смеялся. Очень давно.

На то, чтобы выбраться из деревянной ловушки уходит полтора часа. Можно сколько угодно ворчать на Стражника, но он прав. Время не на нашей стороне, кажется, что в Живом лесу оно течёт гораздо быстрее, чем в самом Царстве, я словно чувствую, как минуты утекают сквозь пальцы. Почти осязаемое подтверждение теории относительности.

Выбравшись на тропу, мы пьём и перекусываем на ходу. Странно, но после этой вспышки неожиданного истерического смеха, мы как будто становимся ближе. Злость на Сергея пропала. Мне снова хочется разговаривать и даже подбадривать своих спутников. Если уж я впаду в печаль и уныние, чего же от них-то ожидать? Может быть, всё ещё каким-то образом наладится. Мы должны делать то, что зависит от нас и постараться сделать это хорошо. Просто идти вперёд. Туда, куда ведёт нас дорога. А вывести она нас выведет, ведь для того же дороги и существуют. Даже, когда эти дороги, всего – навсего лишь обычные тропы, со всех сторон окружённые большими деревьями, растущими в непонятном

лесу.

Глава десятая

Марина

Странно, но я почему-то поверила ему сразу, этому немного чудаковатому неуклюжему толстячку. Возле него я могу позволить себе не притворяться. Хотя бы эти несколько дней, что мы идём по лесу. А там... а там я, возможно, наберусь храбрости и открою забрало.

Даже сейчас, вспоминая своё тогдашнее состояние в номере гостиницы, я непроизвольно вздрагиваю. Невозможно человеку терпеть такую боль. Я не знаю с чем её сравнить, мне казалось, что все мои кости раздроблены, все до одной, а мышцы и сухожилия разорваны в клочья. Скорее всего, если бы рядом не оказалось этого доброго, а главное, всё-всё понимающего, врача, я бы ещё тогда отправилась в страну Вечного Лета, если таковая, конечно, существует. Хотя, я понимаю, неверие – странная штука для человека, который может превращаться в птицу.

– Пожалуй, вам лучше выйти. Я посижу с пациенткой, – сказал тогда врач.

Он баюкал меня на руках, как баюкают младенцев. Моё измученное от судорог тело устало сопротивляться боли. Разум бился о прутья клетки, называемой сознанием, и страдал. Хотелось только одного: чтобы эта боль прекратилась, чтобы её не было, избавиться от неё любой ценой, даже ценой собственной жизни.

А Александр Витальевич тихонько напевал мне песенку.
И постепенно, как будто повинуюсь звуку его голоса, боль
нехотя сдавая свои позиции, начала отступать. Я и сейчас
помню слова этой незамысловатой песенки, хотя слышала её
всего однажды:

И маленький принц, и даже большой,

И слабый, и сильный самый

Ищут всегда своей детской душой

Лучшую женщину – маму.

Ищут в деревьях, ищут в цветах.

Ищут в минутах, ищут в годах.

Плачьте же, плачьте со мной, небеса,

Слёз своих вы не стесняйтесь.

У мамы добрей всех на свете глаза,

Мамы, прошу, не теряйтесь!..

Не знаю, сколько я спала, но проснулась уже в челове-

ческом облике, заботливо укрытая тёплым одеялом. Правая рука по-прежнему ныла, но эта боль по сравнению с той, что терзала меня совсем недавно, вызывала лишь лёгкое недоумение. Конечно, я не чувствовала себя абсолютно здоровой, но и больной я себя уже не ощущала.

– Спасибо, – мой голос был всё ещё слабым.

Врач улыбнулся и погладил меня рукой по голове.

– Легче стало? – спросил он, очень ласково.

– Намного, – ответила я, прислушиваясь к себе.

– Ты плакала во сне и звала маму, – сказал доктор, улыбаясь по-прежнему.

– Плакала? Я уже пять лет, как не плакала. Не может этого быть, – попыталась я оспорить слова доктора.

– Иногда стоит и поплакать.

– Слёзы – это оружие слабых, – возразила я. – А я не нытик.

– Слёзы – это не оружие, иногда слёзы – это вода, которая бежит из камня, если его очень сильно сжать, – ответил мне врач. – Плакать нестыдно.

Я помолчала, обдумывая его слова. Может быть, так оно и есть. Но некоторые плачут при каждом удобном случае. Виктория, например.

– Вы сказали, что я звала свою мать? – мне хочется поговорить об этом, потому что слово мать для меня с некоторых пор звучало, подобно ругательному.

– Да. Ты звала маму, как и всякий ребёнок, когда ему боль-

но, — врач снова погладил меня по голове. — Звать маму — самая естественная вещь в мире.

— У меня нет матери.

— Звать маму — самая естественная вещь в мире даже для тех, у кого нет мамы, — сказал врач.

Вот тогда я ему и поверила.

Я поверила ему настолько, что рассказала всё то, что почувствовала, когда наша с Викторией мать сказала, что уходит жить в людской мир. О нет, надо отдать ей должное, она не хотела нас бросать. Но она знала, что отец не позволит ей забрать нас с собой. И, конечно, она знала, что я привязанная всем сердцем, каждым своим нервом к Сорочьему Царству, никогда не пойду вслед за ней. А Виктория хотела. Но я заставила её передумать. И ничуть не жалею об этом, потому что жизнь и время показали, что я была права. Мать не выдержала испытания человеческой жизнью и вернулась. Вернулась, чтобы стать Обособленной.

Игорь

За разговорами идти легче, хотя бы не варишься в котле собственных мыслей. Да, мы со Стражниками стоим по разные стороны баррикад, но сейчас с Сергеем мы делаем одну работу. Мы должны пройти через лес, а там мы расстанемся и, кто знает, как сложатся наши судьбы в дальнейшем. Этот Стражник не так плох в сравнении с остальными.

Сейчас, когда Марины с нами нет, вся ответственность за благополучный исход нашего мероприятия ложится на мои

плечи. Пора уже прекратить строить из себя обиженную девочку. «Ты называешь себя главой Стрёкотов» – сказала она. Я не называю. Я и есть их глава.

– Ребята, привал. Скоро стемнеет.

Мы разжигаем костёр и ужинаем. А Сергей что-то нервничает: то поднимет на меня свой взгляд, то опустит, ёрзает, его руки слегка подрагивают. Так ведёт себя человек, который хочет что-то сказать, но не решается. Ну?! Давай уж, раз собрался.

– Завтра мы расстанемся, – наконец, говорит Сергей. – И я хочу сказать вам, особенно тебе, Игорь, не держи зла на Стражников. Не наша вина, что наши предки согласились стать такими. Если бы у меня был выбор, я может быть, предпочёл бы, как и все остальные люди, не знать о существовании Сорочьего Царства. Не знаю... Сейчас мне кажется не по мне это... Думаешь, я не почувствовал сразу вашу неприязнь ко мне? А после того, что случилось с Мариной, я сам себя виню.

– Не надо оправдываться. Я ведь понимаю. Не глупее же я Стражника, – усмехаюсь я. – Но и ты пойми. Вы грозитесь уничтожить наше Царство. Не должен же я вас любить за это?

– Я буду голосовать против этого решения. В любом случае, найдём мы твоего брата или нет, – возражает Стражник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.